

Татьяна Шербина

П О Д М Е Н А
/вместо некролога/

Я даже не знаю, с чего начать. Потому что это Женя, который не знает. Никто не знает, но все умеют поднажужиться и выделить начало, его целенаправленное продолжение и логический конец. Женя не хотел. Он стеснялся искусства. Стеснялся поднажужиться. Надо, надо было СДЕЛАТЬ из жизни эту единственную принимаемую нами ФОРМУЛУ:

Евгений Харитонов - поэт /тогда начало: мы потеряли замечательного русского поэта - выстраивается ряд; писать стихи он начал... - прослеживается эволюция, как оттачивалась поэтика, как шел от сибиизма к народности или наоборот; тогда и на печати, которая запечатывала Его - ими, великого - бездарными, - тавро: мол., вы не смоете всей вашей черной краской... И - Его последнее стихотворение/ или

Евгений Харитонов - прозаик /романы и повести, повести и рассказы, рассказы и новеллы, сидит и пишет, сидит и пишет, государство ничего не знает, не хочет знать, не заслужило - знать. А он, служитель Мус, на службе умирает, за письменным столом, не дописав - конец/ или

Евгений Харитонов - режиссер пантомимы /ну - тут спектакли и спектакли, создание своего театра - а была студия пантомимы импровизации в ДК "Москворечье" и выкипевшийся оттуда ансамбль "Последний шанс" -, своих актеров, своей школы, критика писала.../

Евгений Харитонов - искусствовед /по возрасту не доктор, значит, кандидат - вот это-то, единственный убедительный социальный статус - было, и было так неважно, ни для него, ни для тех, кто его знает. Диссертация о пантомиме осталась, незданная, малоизвестная,

и если бы сегодня, посмертно, сов.органы поверили бы, что живого Жени нет, что опасность его доверчивости, беззащитности, ранимости - миновала /весь с Высоцким - не поверили, не совсем поверили, всего год прошел - вдруг вернется? Борьба со страхом бессмертия называется атеизмом/, так вот, если бы - они бы назвали его искусствоведом./

ИИИ, последнее

Евгений Харитонов - врач /ибо работал некогда в институте психологии, лечил замкающихся/.

Так его многие знают: или-или-или-или. И я, как гадалка, сначала говорю то, что вы сами знаете, то что вы сами... И ваш вопрос: "А как на самом деле?"

Как "на самом деле" (дело!) по социальному обычью совпадает с тем как "есть" /естьность, естество, естественность, , а что не совпадает, того нет. Женя сделал открытие - в своей жизни, своей жизнью - он обнаружил подмену. В речи, в пластике, в психологии. Он жил ради того, чтобы этого "на самом деле" - овладевшего человечеством особенно прочно с тех пор, как оно поверило формулам, тому, что можно подсчитать, извесить, сфотографировать, измерить, и вышло, что на самом деле Бога нет, и на самом деле души нет, и чудо на самом деле научнообъяснимо приборорегистрируемо лабораторно воспроизводимо и потому чуда нет - и з г на ть. Из речи, из пластики, из психологии. Изнанть, конечно, из своей речи пластики психологии, чтоб для других - обнаружить...

И напоследок, в качестве доказательства, припас чудо. Я тоже сберегу напоследок - об этом. ..

В одной из его вещей было, что художник жизнью и смертью своей... - иначе ему никто не поверит.

Свои вещи он обозначал - вещи. Не стихи, не рассказы. Это даже на самом деле и не стихи, и не рассказы.

.. Без рифмы, без метра, без сюжета, без персонажей, нигде не начинается, никогда не кончается, никак не учитывается адресат - каждому здесь незадача, и не потому что вам, соглядатаю, хотят насолить - ни эпатажа, ни сатиры, ни просвещивания, ни просверливания - вас не видят. Он, герой,

вернее, Я, ибо везде один и тот же, одним именем нареченный – Я, так скромно раздет – невидимостью, неведением, что за ним подсматривают. И читатель не имеет нарушить неведения героя, перейти черту своего укрытия, вмешаться, устнить, воскликнуть "позор!". Позор /позорище-зрелище/ исключен за отсутствием зреющих: подо-зревающий, покравшийся, укравший – лицо сомнительное само для себя.

.. Можно вспомнить роман Э.Лимонова "Это я, Эдичка". Тоже раздевание – только раздевание на сцене. Без зрителя он сразу скиснет, жданье не состоится. Того не существует, что не делается, не делится на восприятие. Задача героя – аплодисменты, тухлые яйца, пистолетные выстрелы, окрики, слезы, сострадание, ненависть..*

.. Харитоновский Я, попав на сцену, бормотал бы что-нибудь вроде – здравствуйте спасибо извините до свиданья" и даже в скафандре не чувствовал бы себя защищенным от наготы.

Между тем, Я наг. Своими стыдными помыслами, которые он неловко приспособливает к окружающей среде, да и тем,.. что нет в нем никакой определенности: сегодня сказал "судьба!", а завтра ничего не случилось, но все растаяло. Сказал-держись, а он тушуется: растаяло, так растаяло. Я даже имени не имеет, имя – все же какая-то определенность, и характера тоже никакого: то он скромный, застенчивый, то... Да не то что то так, то эдак, а все сразу, все вместе – он же не объясняет и а м, а ему самому, если и непонятно, то так есть. Да, вот что, странный эффект: в нем все как во всех, но он не как все. Хорошенькое определение героя... А знаете ли вы, что он гомосексуалист? Знаете. Но вслух никто не решится. Почему? С лимоновским Я-Эдичкой решится, а с харитоновским безымянным Я нет?

Потому что Я-Эдичка /имя, ибо для себя в третьем лице/ не как все, Эдичка гомосексуалист, и отношение к нему должно быть совсем-совсем особое. Кто им будь читатель, Эдичка другой, и будь читатель сам такой, Эдичка все равно другой. Торжественно, истерически, пафосно другой.

Харитоновский Я и учитель и о другой. Обреченный на одиночество, которое выталкивает его из жизни чем дальше, тем дальше, ибо со всеми он должен быть как все. Чтоб их не обицать, чтоб его не обидели.

В "Духовке" что происходит на самом деле? Приезжает, скучно, провинция, село, мальчика встретил, познакомился, ходит с ним и его друзьями на речку, на танцы пошел, с сестрой мальчика познакомился, ухаживает за ней, звонит ей и у него спрашивает, потом мальчик уезжает, и все.

Это так мальчик видит, сестра, друзья, прохожие — также видимый событийный ряд "Духовки" /где словесно: дух+утилитарно-предметный-отлагательный суффикс винтовка окантовка тренировка, а там внутри — душно, душно, такая герметическая духота — духовка!/. .

Слово-то вышло не простое, языковедческое — так Женя себя знак выловил, — на смерть, то есть, на всю жизнь.

Никто не знал, и он не знал, была только очевидность того, что "Духовка" — вещь совершенная, ибо это весь Женя /в других вещах — он, по не весь/, ибо это вся жизнь /а там жизнь, но не вся, или наоборот, с добавками/. Женя написал потом "Подражание "Духовке", но это то же, что попрощаться своему уходу, когда уже ушел.

*** Мальчика увидел — загорелся, отметил, что загорелся — не подходит же, значит, как будто в прошлом, мимолетное виденье. Потом опять увидел, и знакомство само, без всякого нажима получилось. Судьба!

Он любит этого мальчика, это то что есть и всегда что есть, это его духовка /духовная жизнь/, Беатриче, вдохновение. А на самом деле — покой. Если бы кто-то прознал — покой. А наедине с собой и с Богом — духовка.

Погмена: отдает любовь, принимают — покой. Тогда лучше, больше погмена: есть любовь, а видят скучающего господина.

Вот еще в одной харитоновской вещи: люди готовятся к событию "Олимпиада-80", и строят дворцы, и дашиговывают Москву милицией, а событие-то происходит — другое: смерть Высоцкого. Похороны, куда сошлись все, и вместо стадиона — площадь, и вместо гимна — его пади, и вместо свиста — слезы. И вся милиция — сюда, и все дворцы, и все цветы, и все стихи***

Заранее неизвестно. А вот сбросить бы Харитонова, к чему готовился он, когда в последние свои месяцы разобрал

архив, что надо - оставил, что не надо - скат, что оставил - собрал в один толстый том, перепечатал, раздал в надежные руки? Разделался, расчистился и сел писать пьесу. Дописал, перебелил, сунул под мышку и так вышел из дома. Дошел до ... Пушкинской, не шагом - дыханием упал. Кто теперь знает, куда он шел на самом деле?

Теперь - о чуде.

Но прежде - надо кое-что пояснить в моих отношениях с Женей. Еще и потому, что это отношения нас всех, нас, которых так мало, и которые так недолго здесь - мы не успеваем любить друг друга живыми, на самом деле - не хотим, а получается, что не успеваем.

С Женей мы были знакомы пять лет. А любовь - то есть, отождествление себя с другим, это вот ощущение единого образа и подобия, это божественное мерцание, увиценное в другом - состоялось за два месяца до его смерти.

В эти два месяца я думала, почему тот Харитонов, с которым мы встречались постоянно, везде и не просто ничего не знали друг о друге, хуже - знали не то что есть, почему у того было другое лицо, чем у этого?

Теперь знаю, по фотографии. Два снимка одного года и те самые два лица.

Одно /и при нем почему-то всегда, как и на этом фото, длинный шарф, обмотанный вокруг шеи, черно-бело-красный/ - враждебное, как замерший ~~живой~~ сад - зловеще, ибо ничем не выдаст нам своего присутствия. А ветерок объявится - и это уже другой сад, другое лицо, нас узнающее, готовое нам принадлежать ..

И тогда - будто девается куда этот шарф и открывается все; глаза, синие, не условно синие /благородное название серых/, а настоящие, лазурь милори, небесная лазурь, каким всегда завидую. Глаза в том лице не закрытые, но не явленные. Руки, руки что птичье крыло, с изломом во всех суставах и плавностью не пластелиновой, - балетной, имеющей форму, от угла до угла. У Жени такие руки, у меня такие, и оттого знаю, что так - только от природы, а не от пантомимы. Еще бледность щек /не розовая, не голубая, не смуглай/ у него и у меня. Отождествляю. Тождество очевидное - лечение,

пантомима /чем оба мы занимались/, пять лет посещения одних и тех же мест - не принесли ничего. Друг - все сразу. Наконец, узнали друг о друге, друг в друге - то. С первого взгляда, с первого слова... Судьба! И - кончилось, просто ушел, навсегда ушел, как мальчик в "Духовка".

.. Я часто вижу его у себя в комнате, сидящим, стоящим, двигающимся, руки, глаза, только все беззвучно и всегда в желтой футболке, как было в последний его приход, на целый день, с судорожным, не понятным мне тогда желанием прочитать все, что я написала, прямо сейчас, здесь.

Я обижалась: что у меня тут, изба-читальня? Потом, Женя, успеется. - Нет, сейчас.

Читал не глазами, а как-то всем телом, ртом, руками, время от времени вскрикивая и произнося вслух особенно понравившееся. Потом встал, поехал на Пушкинскую в магазин "Пиш машинок" /все та же Пушкинская/, уже перед самым закрытием, через минут дюрок привез мне югославскую ленту в красивой коробочке. Один из двух его сувениров /теперь буду печатать на его ленте, а пока - страшно открыть эту коробочку, как будто там что-то - то может оказаться/. Второй сувенир - красная искусственная папка с надписью "всесоюзная конференция по профилактике инвалидности", в которой он приносил мне свои сочинения. Отдаю вместе с папкой, он папку не берет, пусть, мол, у меня остается. Теперь в этой папке - мои сочинения.

.. Кончился тот день странно. Приехал еще гость из Петербурга, художник, философ, долго и увлекательно излагавший основы дзэн-буддизма. Женя молча слушал, потом собрался идти. И не мог, что-то в нем происходило, стал в дверях и простоял еще час, говоря остервенело, с какой-то личной заинтересованностью, отталкивая все услышанное:

- Да, да это все прекрасно, возвыщенно, но бесплотно, а я люблю жизнь, в ее мелочах, в ее житейских сюрпризах, я люблю жизнь...

Взрыв жизнедобия, так и бывает...

Эта встреча должна была быть прецессией. Последняя откладывалась, /не все равно - завтра-послезавтра?/, Женя собирался прийти читать новую пьесу, я ему - новые стихи,

особенно одно - ему, и то что пишу теперь - Несостоявшееся свидание.

Договорились на воскресенье, 28 июня. Но я, помня об этом и страшно желая его видеть, более того, никого, кроме него, видеть не желая, уехала за город. В понедельник часам к четырем была дома. Первое - набрала его телефон. Никто не подошел. Вышел, значит. Съездила на Пушкинскую перекусить, самая духовка была, тот день, еле до дому добралась и легла пластом: умираю. И звоню ему, все звоню и звоню. Нету. Не пришел, значит. Значит, завтра. Завтра началось с раннего утреннего звонка, как мне не звонят обычно, зная, что сплю.

Не верю. И на следующий день не верю. Понародкё, по необходимости сознаю, но не верю. Все надеялась увидеть его, обязательно осуществить эту последнюю встречу, раз так, то хоть в гробу. Увижу и тогда только удостоверюсь, что его нет.

Женю я так и не увищела, а удостоверилась - в обратном. Это был не он. Это он вместо себя подложил, с малиновой щекой - декорация. Упал - он, а подняли - другого. Бывает ведь, душа уходит, а тело остается. А он - весь, вместе с телом, со своей необыкновенной, естественной пластикой. Он забрал свои руки - подменил другими, чтоб не пусто было. И хотя на самом деле он умер, произошло другое - подмена. Очень ему важно было это чудо показать, ведь художник.. жизнью и смертью своей... Тут-то оно и состоялось - погражание "Духовке".

А стихотворение ему - вот. За девять дней до того написанное. О себе. А вышло - о нем. Я все еще думала, когда писала: слово "каталог" /так называется альманах семи прозаиков, и он в их числе/ - Жене адресованная двусмысленность, ради того и оставила это странное, здесь странное слово. Ну вот и все, а дождь пошел уже после. Не помогла, не выплакала...

Я плачу оттого что нет грозы,
Как зелень ядовита в это лето!
Такого фосфорического света
Нет в каталогах средней полосы,

Я плачу оттого что недавно родилась,
Стону в разыбе изфритовой красища,
Природа несостоенна красища,
Все живое зацветает, даже хвощ -

Я плачу оттого что в первый раз
Не выгорают волосы на солнце,
Что тополек зелененький в оконце
Глядит, как мастерик хризопраз,

Я плачу. На жадиновой ткани
Застыла лакорадочная блестка,
Я бледнала от робу, как известка,
И я призвала жить на сквозняке,

Но жгет глаза от хризод и роз,
И ветры затянулись - я укушена,
Ну что же ты, земля моя измужья
Спасительных не прожигаешь слез!